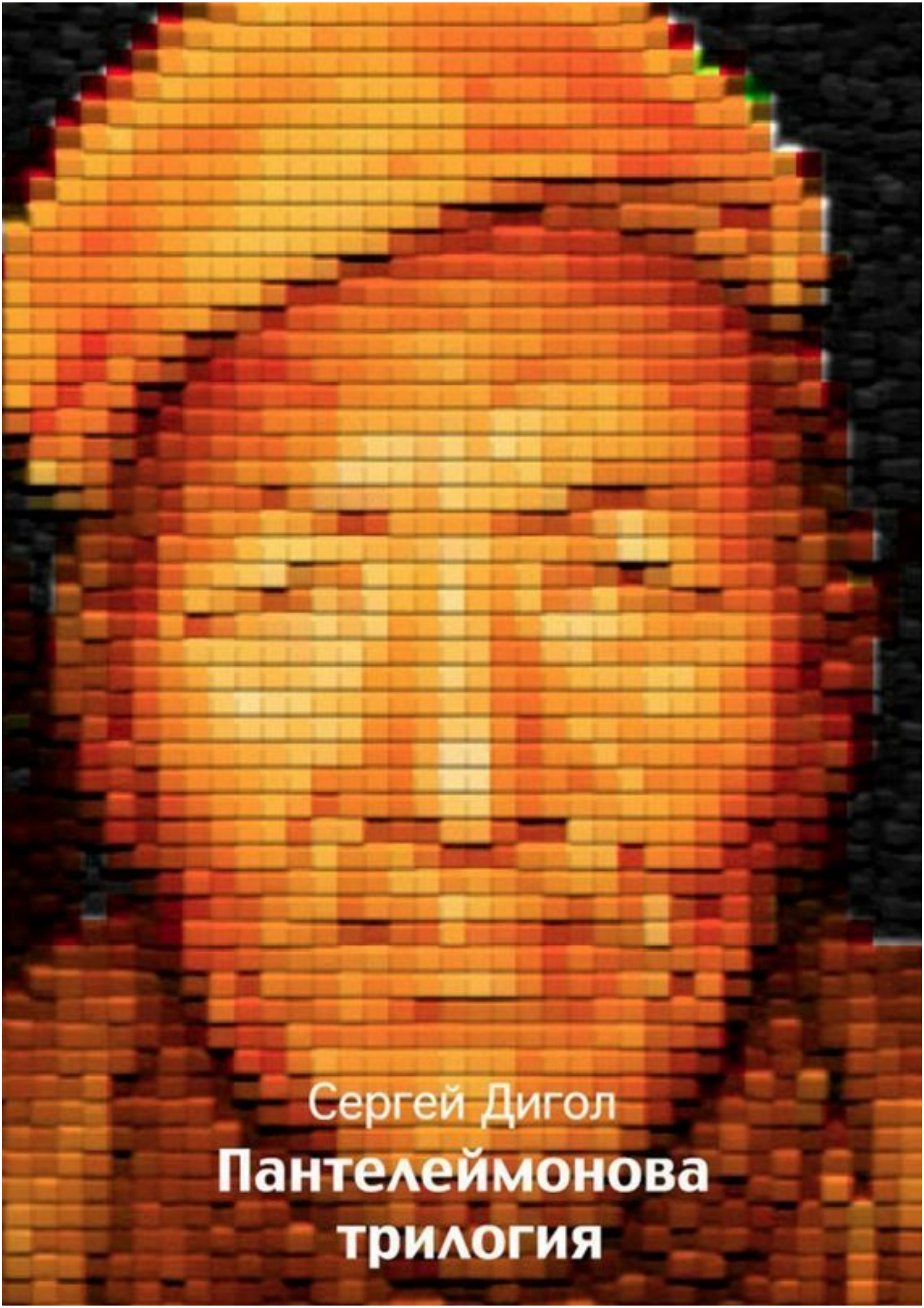

Сергей Дигол

Пантелеймонова трилогия

Сергей Дигол

Пантелеймонова трилогия

«Издательские решения»

2015

Дигол С.

Пантелеймонова трилогия / С. Дигол — «Издательские решения», 2015

Повесть в рассказах, номинированная на премию «Национальный бестселлер – 2015». История падений и взлетов обычного жителя обычного молдавского села, своего рода Швейка нашего времени.

© Дигол С., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Рассказ первый. 6
Рассказ второй. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Пантелеймонова трилогия
Сергей Дигол

© Сергей Дигол, 2015
© Сергей Дигол, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Рассказ первый.
Не забудьте выключить

И с восьмой попытки замок не поддался.

– Руки замерзли, – соврал Пантелеймон и, сбросив рукавицы прямо на снег, энергично потер друг о друга ладони.

– Все-таки три года прошло, – тихо добавил он, на этот раз чистую правду.

Разговаривал Пантелеймон с входной дверью одноэтажного дома из красного кирпича, под крышей которого удобно, словно так и было задумано, расположилось ласточкино гнездо, пустовавшее, в отличие от дома, всего-то до ближайшей весны. Ключ, намертво заклинивший в скважине навесного замка, Пантелеймону Берку отдал сосед – Богдан Челарь, вот уже три года как обосновавшийся в Италии. С тех пор Богдан не то что не наведывался в родные Мындрешты, он и позвонил-то всего однажды.

– Ты заходи иногда, – попросил Челарь вечером накануне вылета, подливая Пантелеймону в глиняную кружку темное как кровь вино, – время, сам знаешь, какое…

Пантелеймон был односельчанином Богдана и в дополнительных разъяснениях не нуждался. Его и самого, бывало, будил по ночам звон бьющихся стекол – звуковое сопровождение очередного разграбления очередного дома. Мындрештские дома сиротели на глазах, словно в селе прописался торнадо, выхватывающий одного жителя за другим и изрыгающий их то поодиночке, а то и целыми семьями в Греции ли, в Испании, в Португалии или в России – одним словом, там, где был хоть какой-то шанс зажить по-человечески. В Мындрештах такая возможность таяла как мартовский снег на заброшенном молдавском поле.

– По данным всесоюзной переписи населения, в 1989 году в Мындрештах проживало шесть тысяч четыреста пятьдесят два человека, – сказал Пантелеймон, а Богдан горько вздохнул и понимающе закивал головой.

Столь подробной осведомленности Пантелеймон был обязан книге «Молдавская ССР в цифрах», которую он как-то взял на недельку в сельской библиотеке, да так и не вернул. Страницу с единственным во всей книге упоминанием родного села он вырвал и, подчеркнув карандашом соответствующее предложение, прикрепил листок канцелярской кнопкой к стене. Иногда, натыкаясь на пожелтевшую страницу, Пантелеймон менялся в лице и доставал из-под кровати бутылку водки.

– Дожили, – горестно шептал он, глядя в окно на опустевшее село и, ухнув, залпом выпивал из заляпанного стакана.

Вино Пантелеймон употреблял только по большим праздникам, да и то если угощали. Обычно это случалось на Святого Василия, Святого Андрея, на Пасху и Родительский день. Девятого августа, в день Святого Пантелеймона, угощал он сам, загодя покупая две десятилитровых бутыли душистого муската у Богдана Челаря, который, в свою очередь, ничего кроме вина не признавал. При коммунистах – не тех, что доразворовывали страну после народнофронтовцев и аграриев, а при прежних, советских, – Пантелеймон и сам делал вино: каждую осень и никак не меньше шестисот литров.

– А сейчас что ж? – спрашивал он у окон домов, более не отвечавших, как в прежние времена, приветливыми лицами хозяев, продававших Пантелеймону виноград.

Своего виноградника у Берку никогда не было, да и откуда виноградник у механизатора, с рассвета вкалывающего на родной колхоз? К собственным участкам в Мындрештах всерьез относились лишь те, кто формально не имел отношения к сельскому хозяйству, но в ком, однако, свербел такой же крестьянский инстинкт, как и во всех остальных. Учителя и каменщики, фельдшеры и члены сельсовета – все те, у кого Пантелеймон покупал виноград, легко

разменяли родину на унизительную, но сносную жизнь за границей, так что переход на регулярное потребление водки был в какой-то степени вынужденным. Конечно, виноград можно было украсть с колхозных плантаций, да только колхоз вот уже лет тринадцать как развалился, а на месте колхозного поля выросли ровнехонькие, словно шеренги президентского полка, частные виноградные посадки, огороженные колючей проволокой, за которой прогуливались угрюмые амбалы с автоматами наперевес.

Впрочем, перейти на горькую Пантелеймона вынудил отъезд не только поставщиков винограда, но и собственной семьи. Жену Серафиму, вычищавшую от навоза коровьи стойла в Испании, Пантелеймон не видел с девяносто девятого. Еще через год к матери присоединилась Виорика, единственный ребенок Пантелеймона и Серафимы, улетевшая при первой же возможности – по достижению восемнадцати лет и приуроченного к этому событию получению загранпаспорта.

– Как я буду без вас, – шептал Пантелеймон в кишиневском аэропорту, провожая взглядом проходящую через проем металлоискателя дочь.

Слезы навернулись на его глаза – Пантелеймону стало безумно жаль себя.

Вскоре из Испании пришло письмо. Серафима спешила обрадовать супруга, сообщив, что Виорика славно устроилась в городе Сарагосе и что даже собирается замуж. В качестве доказательства в конверт была вложена фотография, увидев которую, Пантелеймон не узнал собственную дочь. На ногах Виорики, сфотографированной вполоборота, были сетчатые чулки, переходившие в очень короткую мини-юбку, из-под которой выглядывали – вот срам-то – массивные ягодицы, которые Пантелеймон раньше как-то не замечал. Сорочка на дочери была застегнута, начиная с третьей пуговицы, и заметив в районе бюста две бесстыдно выпячивающие точки, Пантелеймон покраснел, а еще сделал вывод, что Виорика заснята без лифчика. Дочь стояла между двумя державшими ее за талию мужиками: одним – пожилым, с седыми висками и выдающимся животом, и другим – помоложе и постройнее, с усами, перерастающими в бакенбарды, и с тщательно приглаженными назад волосами. «Антонио, мой жених», – прочел Пантелеймон на обороте карточки и, перевернув фото, стал внимательно разглядывать мужчин, пытаясь определить, кто же из них Антонио, а кто жених.

Фотография, вопреки замыслу Серафимы, расстроила Пантелеймона. «Совсем уже большая», – подумал он о дочери и еще – о том, что старость не за горами. Шумно вздохнув, Пантелеймон бросил фотографию на стол и полез под кровать – за очередной бутылкой.

«Нельзя, нельзя падать духом», – подумал он, наливая водку в стакан.

Да и повод выпить был. В тот же день кроме письма Пантелеймон получил от жены денежный перевод – пятьсот евро.

***

– Алло! Богдан! Ты, что ли, брат? Ну, обрадовал! Здорово, сосед! Хо-хо! Как ты там? Алло! Алло! – орал в трубку Пантелеймон, хотя слышимость из Вероны была намного лучше, чем из Кишинева и уж тем более из Теленешт – ближайшего районного центра.

Впрочем, эмоции Пантелеймона были объяснимы, ведь слышать Челаря ему пришлось впервые за три года. И в первый раз за три года он вспомнил о просьбе соседа.

– Конечно, захожу! На днях вот подмел! – продолжал он кричать, бегая глазами по комнате и лихорадочно вспоминая, куда подевал ключ. – Серко? Подкармливаю, а как же! Прожорливый, зараза! Да говорю же, нормально все! Ты-то как?

Оказалось, не очень. Корнелия, супруга Богдана, к которой, он, собственно, и улетел в Верону, вот уже несколько лет как сожительствовала с итальянцем, продавцом недвижимости, в дом которого она попала для ухода за парализованной тещей. Со смертью тещи, по-видимому, обладавшей сильнейшим влиянием на зятя, с итальянца словно свалились оковы

и, окрыленный, он поспешил освободиться и от тещиной дочери. Корнелия, женщина глупая, но обладавшая звериной – истинно женской – интуицией, прочувствовала диспозицию с первых же дней пребывания в доме, и к моменту кончины подопечной предприняла все от нее зависящее, чтобы сделать развод хозяев неизбежным. Не ожидала она лишь одного – что Богдан, ее законный супруг, которого и в Кишинев-то было не выманить, возьмет вдруг, да и объявится промозглым январским утром под окнами дома, адрес которого она зачем-то надиктовала ему по телефону и простить себе, дуре, этого не могла.

…В зале суда Корнелия рыдала так, что заглушала свидетелей, общественного защитника и даже прокурора. Ей было очень жаль мужа – небритого и осунувшегося, недобро смотревшего на нее с banco degli imputati[1]. Напрасно успокаивал Корнелию ее итальянец: переводя замутненный взгляд с мужа на любовника, голубые глаза которого теперь особо выделялись на фоне черных мешков – верного признака сотрясения мозга, – она впадала в такое безутешное состояние, что судье приходилось несколько раз удалять несчастную из зала. Тем не менее, заявление свое итальянец не отозвал, опасаясь, что этот сумасшедший молдаванин только и ждет, чтобы убить его, на этот раз окончательно. Да и зачем ему было отзывать заявление – Корнелия-то ни о чем таком не просила.

– Я неделю как освободился! – кричал в трубку Богдан, хотя слышал Пантелеймона так же безупречно, словно звонил в Геную или в Палермо. – И у меня билет на самолет! На четырнадцатое! Пантелеймон, а я точно холодильник выключил? Поверишь, все три года в тюрьме мучался, не мог вспомнить. Алло, Пантелеймон! Слышно меня? На четырнадцатое билет, слышишь? Пантелеймон! Алло!

Пантелеймон молчал – он изучал настенный календарь.

Четырнадцатое февраля! Получается, ровно через неделю. А через пять дней, двенадцатого, Пантелеймон летит в Барселону. К жене и, стало быть, к дочери: из Барселоны, писала Серафима, до Сарагосы рукой подать.

– В Барселону, – с удовольствием произнес он и, отворив калитку, шагнул во двор соседского дома.

Собаки, к счастью, нигде не было, иначе, подумал Пантелеймон, наголодавшийся за три года пес наверняка оттяпал бы ему полноги, а то гляди и чего поважнее. Подле конуры валялась цепь без ошейника: видимо, наскулившись на голодный желудок, Серко из последних сил сорвался с привязи и дал деру с родного двора. Что лишний раз доказывает: собаки и впрямь похожи на своих хозяев.

Чтобы попасть в дом, пришлось повозиться. Висячий замок совсем заржавел и, как Пантелеймон ни старался, ключ не поворачивался, словно был и не от этого замка.

– Руки замерзли, – сказал Пантелеймон и, сбросив рукавицы прямо на снег, энергично потер друг о друга ладони. – Все-таки три года прошло.

И, несмотря на боль в пальцах, решил не отступать.

– В Барселону, – повторил Пантелеймон и, расплывшись в улыбке, стал похож на кота, раскинувшегося на крыше под первыми весенними лучами.

Смачно харкнув прямо на замок, он развернулся и решительно зашагал прочь.

К себе домой – за монтировкой.

***

Так, вроде ничего не забыл.

[1] скамья подсудимых – итал.

Две пары трусов и две – носков. Одна рубашка с коротким рукавом – желтая, без двух пуговиц на животе и одна с рукавом длинным – в клетку, фланелевая. Жарко, наверное, летом во фланелевой, ну да ничего. Другой рубашки с длинным рукавом все равно нет.

Два свитера и пара джинсов, севших после стирки: пока живот не подберешь, не влезешь. Но и это ерунда, да и новый ремень покупать не надо – старый-то совсем износился. Да, и пара сандалий, это если не считать ботинок, что на ногах. Ну и остальное, во что одет, включая дубленку и кепку с эмблемой мюнхенской «Баварии». В общем, никакого огромного, на колесах – еще чего – чемодана, несмотря на то что лететь за границу и, скорее всего, навсегда.

Пантелеймон еще раз сунул нос в кулек с одеждой и, пересчитав вещи, положил его на стул у входной двери. Из другой мебели в комнате оставался лишь стол без скатерти и кровать без матраса, без подушки и без одеяла. Берку довольно крякнул. Впервые за много лет к нему вернулось чувство гордости за то, что он молдаванин.

«Ну хитер, ну молодец», – думал он о себе, потирая руки.

В прошлый раз эту гордость он испытывал в девяносто третьем, когда, жмурясь от слепящих лучей, смотрел на солнце сквозь зажатую в дрожащих пальцах купюру достоинством в один лей.

«Вот она, независимость!» – восторженно думал Пантелеймон, ликуя от вида излучавшего неземное свечение молдавского господаря Штефана. Господарь виновато смотрел с купюры куда-то в сторону и вверх.

В отличие от полусотни односельчан-горлопанов, которые в конце восьмидесятых пешком – хотя с транспортом тогда еще проблем не было, – с песнями, вином и транспарантами топали аж до самого Кишинева на митинги Народного фронта, Пантелеймон Берку как дважды два понимал, что словами, пусть многократно усиленными репродуктором, самостоятельности не добиться. Не мог он понять другого: почему другие этого не понимают.

– Вот ты кричишь: «Русские, убирайтесь вон!», а перестанет Москва выдавать нам рубли, тогда что делать будешь? – спрашивал он Адриана Василиу, усатого тракториста с темно-шоколадным от многодневного стояния на бурлящей площади лицом.

– Уеду на заработки в Россию, – не моргнув глазом, ответил Адриан и обещание свое сдержал. После распада Союза и развала колхоза, не дожидаясь более тяжелых последствий, Адриан рванул на нефтяные месторождения Тюмени и даже, поговаривают, принял российское гражданство.

«Страна считается оккупированной, пока ее территория занята вражескими танками или пока ее граждане используют в качестве официального платежного средства валюту иностранного государства». Пантелеймон вычитал эту фразу в восемьдесят девятом в газете «Гласул». Потрясшее его предложение Берку обвел карандашом, а заметку вырезал и прикрепил кнопкой к стене. Когда карандашные линии на газетной вырезке почти слились с буквами, а буквы – с пожелтевшим фоном, Пантелеймон заметку сорвал, тем более что статья в «Гласуле» достоверностью прогноза не отличилась: оказалось, что с введением собственной валюты происходит не укрепление государства, а массовый отток населения, так что новая страница – из «Молдавской ССР в цифрах» – пришлась как нельзя кстати.

Но сейчас подзабытое чувство вновь распирало душу Пантелеймона. А когда его душа расширялась, у Пантелеймона, по какой-то загадочной физиологической закономерности, раздувались и ноздри.

«Ну хозяин, ай да молдаванин!» – думал Берку, шумно выдувая воздух из ставших гигантскими ноздрей и поглаживая толстенный фотоальбом, лежавший на столе.

В альбоме за его, Пантелеймона, фотографиями – отдельно и с женой, с женой и с дочерью (до чего очаровательный был ребенок!), за фотографиями собственных родителей, родителей жены, за фотографиями дяди Пети и тети Марианны, погибших в аварии, за фотографиями каких-то теток жены, один бог знает, как их зовут, за фотографиями нанашей – Гали и Тудора,

живших счастливо и спившихся в один год, за фотографиями соседей, рассеявшихся как сон – кто за границу, а кто – на тот свет, за фотографиями застолий, курортов, колхозных собраний с вручением Пантелеймону вымпела «Отличнику соцсоревнования», и еще – за фотографиями десятков, сотен совершенно незнакомых людей, остававшихся в памяти только благодаря этим самым фотографиям, – притаились, круглым счетом, тридцать две тысячи евро, девятнадцать с половиной тысяч долларов и восемьдесят восемь тысяч леев.

Был, конечно, риск, что на таможне заинтересуются странным грузом – часто ли через границу семейные альбомы везут – да только пересылать все состояние супруге Пантелеймон не решился. Уж слишком много мужей были брошены обжившимися на вольных хлебах женами, и бедняга Богдан был далеко не первым в этом списке. Собственно, потому-то Пантелеймон и отказался продавать альбом, за который, между прочим, предлагали пятьдесят леев. А что – кожаный переплет, чеканный медальон с красным камнем посередине обложки, – наверняка можно было сдать, и не за пятьдесят, а за все двести пятьдесят леев в какой-нибудь из антикварных магазинов Кишинева.

«В Испании продам», – решил Берку и вышел на улицу – подышать морозным ночным воздухом. Часы показывали полтретьего, но спать Пантелеймону было никак нельзя. Ровно в три приедет такси, заказанное аж за триста леев из райцентра, чтобы самое позднее к пятиполшестому быть в кишиневском аэропорту. В Будапешт, город-привал на пути в Барселону, самолет вылетает в семь пятнадцать, посадка завершается за сорок минут до отлета, да пока доедем, да таможенный контроль…

Сделав несколько глубоких вдохов, Пантелеймон вернулся в дом.

– Ну, прощай, – пробубнил он и оглядел пустую комнату. В других комнатах тоже было пусто, да так, что эхо отвечало в полный голос даже скрипящему под ногами полу.

Пантелеймон продал решительно все. Все, на что нашелся покупатель. Вещи, на которые охотников не нашлось, Пантелеймон продавал за бесценок – он очень торопился поплотнее наполнить альбом.

Теперь, глядя на распухшую фотоколлекцию, страницы которой касались друг друга, только если альбом придавить задницей к табурету, Пантелеймон гордился тем, что он молдаванин.

«Вот она, независимость!» – подумал Пантелеймон. Пройти бы только таможни, а там… Райская страна, беззаботная жизнь, и пусть жена что-то вякнет – вычищать ей коровье дерьмо до конца своих дней!

Перевязав альбом веревкой крест-накрест, Пантелеймон отправил его в кулек – в компанию к одежде. На столе оставались деньги на такси, билеты на самолет и загранпаспорт.

И еще – конверт, запечатанный и аккуратно подписанный.

***

«В Барселону», – радостно затрепетало в груди Пантелеймона, и он швырнул изуродованный монтировкой замок в угол комнаты. Снег таял, стекая с ботинок грязными струйками прямо на ковровую дорожку.

Какие все-таки красивые названия: Барселона, Сарагоса, Валенсия, Мальорка. Разве в этих городах могут плохо жить? И куда нашим Мындрештам до них? Нет, только вслушайтесь: Бар-се-ло-на! Это же музыка, звуки цимбалы, пение канарейки – Серафима писала, что эта птица в Испании чуть ли не в каждом доме.

В доме Богдана было аккуратно: будто кто-то невидимый – неужели домовой? – следил за порядком все три года. Даже пыли не заметно.

Холодильник!! Черт, он работал – тихо, как и полагается итальянскому холодильнику, но все же работал. Пантелеймон выдернул штепсель и усмехнулся – все-таки в тюрьме Богдан переживал не зря.

В большой комнате Пантелеймон сразу направился к серванту – освобождать его от чешского хрусталя. Посуды было очень много – без большой коробки никак. Такая, из-под телевизора, была – он вспомнил – в погребе, хоть бы мыши не погрызли. Пантелеймон матюгнулся: хочешь не хочешь, а снова придется идти домой.

– Домнул[2] Челарь?

Пантелеймон вздрогнул и присел на корточки.

– Дом номер девять?

Это еще кто? Соседи выследили?

– Эй, хозяин!

Да какие соседи? Все село в курсе, что Богдан Челарь в Италии.

– Есть кто живой? Э-эй!

– Не надо стучать, я уже иду.

И Берку, щурясь от света и поигрывая монтировкой, вышел на крыльцо. На скамейке у самого окошка сидел плотный детина в синем комбинезоне и резиновых сапогах до колен.

– Домнул Челарь? – повторил он и смерил Пантелеймона недоверчивым взглядом.

– Да. То есть нет. То есть…

– Будем отрезать, – сказал мужик в комбинезоне и достал из нагрудного кармана пачку сигарет.

Берку крепко сжал в руке монтировку.

– Что отрезать? – спросил он и глотнул слюну.

– Дом от электричества, конечно, – уточнил мужик.

Он закурил и, выдохнув облако дыма, показал на синий, под цвет комбинезона, фургон за воротами:

– «Юнион Феноса»[3]. Районное отделение Теленешт.

Слава богу! Не полиция и не бандиты? Ффу! Пантелеймон тихо, чтобы мужик не услышал, перевел дух. Феноса, говоришь? Здоровый, гад. Феноса… За имя сойдет. Круглое такое имя. Ну точно, вылитый Феноса.

Тогда, может…

– Как так отрезаете? – завопил вдруг Пантелеймон, – это еще что за новости?

Феноса был явно готов к такому повороту разговора. Он даже не взглянул на монтировку, только достал из кармана какую-то бумажку.

– Четыре тысячи семьсот шестнадцать леев, – лениво прочел он, – ваш долг за три года и четыре месяца. Ведь это вы – Челарь Богдан Васильевич?

– Вот сука, – стукнул себя ладонью по лбу Пантелеймон и уселся прямо на крыльцо.

– Не понял, – приподнялся в свою очередь Феноса.

– Да Челарь этот ваш… вот урод, а!

И положив монтировку рядом с собой, Пантелеймон доверительно повернулся к мужику в комбинезоне.

– Понимаешь, я дом у него купил. Неделю как. Дом-то видишь, какой, – он постучал кулаком по стене, – добротный, теплый, семь лет всего дому. Да и внутри просторно, не то, что у меня. Я ведь сосед Богдана. Да во-о-он мой дом, где антенну ветром погнуло, все никак не поправлю, видишь?

Феноса оторвал зад от скамейки и, кивнув, словно поняв, о каком доме речь, снова сел.

---

[2] господин – рум.

[3] Молдавско-испанское предприятие, владеющее электрическими сетями в Молдавии

– Все, блядь, продал, – заскулил Пантелеймон, выдавливая кулаком слезу из правого глаза, – ковры, мебель румынскую, телевизор, все! Да если бы только продал, хрен купил бы! Жена, знаешь, сколько лет, спину за границей гнула? Знаешь что, брат? Пошли-ка ко мне, а? Пойдем, пойдем! Увидишь, до чего, суки, простого крестьянина довели. У меня и водка есть, а?

И он с жаром схватил мужика за рукав.

– Да какая на хуй водка? – вскочил Феноса, одергивая руку, – мужик, я дом от-ключать буду и мне насрать, чей он – твой, Челаря этого гребаного! Вы заебали уже, по восемь, блядь, десять лет не платите! Уедет в Грецию, сидит там, блядь, на шее у жены, пока та ебется со всеми подряд! Ну и пиздуй себе, но за электричество плати! Мне зарплату кто – жена Челаря твоего платить будет? Процент с отсоса, блядь? Тогда отключайся на хуй от сети и езжай себе в Грецию, в Италию или в эту, как ее…

– Он холодильник забыл выключить…

– Кааакой холодильник? – Феноса почти прижал свой нос к носу Пантелеймона и, сверкая глазами, орошал его слюной и окуривал запахом ядреного табака.

– Хороший. «Индезит». За две тысячи отдам.

– Чего? – сразу обмяк Феноса и отступил назад, как от сумасшедшего отшатнулся.

– «Индезит», говорю. Итальянский холодильник, – Пантелеймон говорил тихо, мысленно умоляя руку с монтировкой не предпринимать самостоятельных действий. – Хозяин почти не пользовался. Такой в магазине семь тысяч стоит, я в Кишиневе видел.

– Да ты чего, мужик? – застыл Феноса с широко разведенными руками – в положении, одинаково удобном как для сердечных объятий, так и для внезапного удара в челюсть.

– Дайте хотя бы пару деньков, я еще кое-что продам. Долг верну, клянусь дочерью. Говорю же, дом купил, поистратился весь…

Бросив ставший внезапно тоскливым взгляд на фургон за воротами, Феноса кашлянул и вытянул шею, заглядывая в открытую дверь дома.

– А кроме холодильника? – вполголоса поинтересовался он.

– Да ты заходи, присмотрись – потоптавшись на крыльце, по-хозяйски ступил в дом Пантелеймон и жестом пригласил Феносу сделать то же самое, – деньги с собой?

***

Долбануть бы его, урода, дверцей по башке, пока вылезает из машины!

– Я же просил не опаздывать, ровно в три просил же!

Пантелеймон с ненавистью швырнул кулек в багажник такси. В кульке была завернутая в газету колбаса, буханка хлеба и кусок брынзы в целлофане. Водку не взял – куда с водкой через таможню! Другой кулек – с одеждой и семейным фотоальбомом – он бережно положил на колени, усевшись на заднее сиденье забрызганной грязью «Волги».

– Так всего же на пятнадцать минут, – заискивающе улыбнулся в зеркало заднего вида шофер, яростно включая заднюю передачу.

– Вот потому-то кругом такой бардак, – назидательно поднял палец Берку, – там пятнадцать минут, здесь пятнадцать леев – и нет страны.

– Может, музыку включить? – таксист не был настроен выслушивать двухчасовые нравоучения явно занудного пассажира.

– Только веселую, – строго сказал Пантелеймон.

– А как же, – обрадовался таксист и врубил радио на полную громкость.

«Д-ля кого-то п-росто лётная погода, а вэдь это п-роводы люб-ви», – окутало Пантелеймона облако бархатистого кавказского баритона.

– Нет-нет, оставь, – остановил он потянувшегося было к приемнику таксиста, решившего, по-видимому, что Кикабидзе недостаточно весел. – Хорошо поет.

И Берку закрыл глаза.

Странно, подумал он, вот уезжают люди, бросают дома, даже семьи – и их как будто и не было. Никто и не вспомнит. Ну не вспомнил же Пантелеймон о своем обещании Богдану. Да и о самом Богдане, если честно, напрочь забыл.

А вот Пантелеймона будут помнить. Долго будут, думал Пантелеймон.

И всего-то дел – надо просто успеть оставить о себе память.

За себя Пантелеймон был спокоен – он успел.

До приезда такси он успел добежать до сельской почты и опустить в почтовый ящик письмо.

***

Участковому села Мындрешты, Теленештского района
домнулу сержанту Пынтя Ю. А.
от жителя села Мындрешты, Теленештского района
домнула Берку П. Т.

Заявление

Довожу до вашего сведения что сегодня 11 февраля 2007 года около 9.15 утра я случайно стал свидетелем разбойничьих бандитских действий в отношении дома моего односельчанина домнула Челаря Б. В. Незаметно проходя мимо дома домнула Челаря Б. В. я случайно заметил у ворот фургон с надписью Юнион Феноса номер машины TL AE 326.

Еще я заметил двух человек в синих комбинезонах одетых и выносивших из ворот холодильник, ковры, сервиз чешский, хрустальную люстру, сервант даже. это все что я успел заметить. не знаю может выносили еще что-то но я уже ушел потому что торопился в магазин. Мне уезжать надо и надо продуктов на дорогу. Вы не подумайте что я сразу не заявил. Сейчас время такое убьют за десять леев не моргнут. А кто же тогда выведет на чистую воду? Кто так сказать окажет содействие? Вот я и сделал вид что не заметил и что меня не заметили.

Но зато могу описать фоторобот. Один бандит среднего роста с меня ростом. У меня я измерялся в республиканской больнице в Кишиневе в 2003 г. когда у меня были камни и сказали ваш рост домнул Берку сто семьдесят шесть. В паспорте я специально посмотрел 178. А врачам я доверяю хотя с меня за операцию взяли четыреста шестьдесят леев и еще свои лекарства. а в паспортном столе в Теленештах на меня просто посмотрела женщина и сказала где-то сто семьдесят восемь, как таких только берут в паспортный стол возмутительно! Этот первый бандит он такой же почти но здоровый очень. даже толстый. это чтобы точнее портрет нарисовали у вас там в компетентных органах. Небритый. Лицо злое когда злится и карие глаза. Курит я не заметил какие сигареты но плохие. У меня алергия на сигареты и я в них не разбираюсь а врач сказал у вас говорит алергия и с вашими легкими только курить сразу на кладбище. Так что говорит хорошо что не курите. вы очень больной человек. Но запах я чувствую всегда даже издалека. А так я даже не подходил чтобы меня не заметили и я сразу понял что-то тут не то. Все знают что богдан в Италии то есть я сразу сообразил. Да я сообразил! это посторонние может даже бандитские выходки я сообразил и сразу так и подумал. Второй тоже был и я хорошо помню. Молодой пацан еще совсем худой конечно. тоже конечно в комбинезоне синем и в сапогах, сейчас грязь ночью подмерзнет а утром-то оттаивает и вообще это у инспекторов Юнион Феносы такая униформа что ли. Ну вы сами знаете не мне вас учить. Не знаю не мне вас учить это не мое дело конечно и я очень извиняюсь домнул сержант что вас учу но я бы домнул сержант по номеру машины стал искать. Вы пощите надо бы обыск провести у этих пидарасов. Это же надо дожили.

Я так думаю это бандиты переодетые еще оделись бы в вашу форму с погонами домнул сержант и тогда совсем беспредел. Надо както решать это все! Я не знаю я бы сам свидетелем первым на суде а так жена вызов прислала куда я сейчас. Я восемь лет жену не видел дочка замуж собирается и прислала карточку с женихом.

Примите пожалуйста все меры какие оперативные у вас есть. Нельзя же допустить! И это у нас в селе где в 1989 году население составляло шесть тысяч четыреста пятьдесят два человека. А сейчас куда не посмотришь! Так все разбегутся в Грецию а там жена отсасывает и дочка блядует и с жопой фотографируется. Вы не подумайте у мена моя Серафима на ферме и я тоже буду честным трудом работать и пользу приносить. Но у нас же невозможно! Это как же домнул сержант надо было постараться? Колхоз развалили, фермы разворовали стекла по ночам бьют и среди бела дня грузят в фургон. Да что же это как же! Ни тебе работы ни денег и даже на леи эти ни хера не купить. А посмотреть в глаза простому крестьянину боятся а он между прочим двадцать два года с половиной гнул в колхозе спину и был отмечен партией и правительством а теперь стоят пидарасы с автоматами охраняют. А чьи я спрашиваю поля? Вы от кого от народа охраняете а нет чтобы расстрелять из автоматов капиталистов которые вас держат как собак на привязи и жируют и будут вашим детям копейки платить и веревки вить. Это же надо так развалить! Вот она независимость-то!

Я вас всегда уважал домнул сержант и вы знаете и очень лично очень прошу домнул сержант примите меры. Богдан такой человек все село уважает а нет чтобы кто присмотрел за домом пока человек в беде. Так всю республику растащат вы и бровью моргнуть не успеете.

Пантелеймон Берку, анонимный свидетель.

Рассказ второй.
Угнать за шестьдесят

Отметки на воображаемой карте были проставлены, ярлыки – навешены. Он переписывал туристические гиды на свой лад, не беспокоясь о том, что больше ни один человек на свете об этом не догадывался. Крепость Альхаферия, конечно, никакой не замок, а если и шедевр, сохранившийся в первозданном виде с Бог знает какого Средневековья, то пусть уж будет неприступной тюрьмой. Огромной тюрьмой с высоченными стенами, которые не перелезть с внешней стороны, что уж говорить о побеге из нее.

Музей Серрано, этот образец авангардизма в городской архитектуре, больше всего походит на сложный трансформер. Пару ловких движений и солнце вот—вот скроется за фигурой гигантского робота, который, расправив плечи, заносит ногу размером с этаж над визжащей толпой любителей искусства, столпившихся перед входом в музей. Ну и, конечно, Всемирный торговый центр. И где, подумать только – в Сарагосе! Смех да и только! Все, как положено: пара башен—близнецов, вот только высотой в лучшем случае с четверть рухнувших нью—йоркских оригиналов. Какие там боинги – пару вертолетов наверняка хватит, чтобы свалить эти конструкции.

За три месяца Пантелеймон Берку возненавидел Сарагосу и свои вынужденные экскурсии по городу. Сегодня он вышел из дома как обычно, около девяти утра и, доехав с двумя пересадками к набережной Эбро, решил перейти Каменный мост пешком, удостоив старинное сооружение отпечатками собственных ботинок. К Базилике де Нуэстра Пантелеймон не свернул, нацелившись на собор Сан—Сальвадор, до которого, правда еще надо было дойти. Километров пять и все более дававшая о себе знать мозоль на мизинце правой ноги напоминали о том, что ежедневные прогулки давно перестали быть для него только лишь прогулками и средствами лжи, которой питалась его семья.

Кстати, о еде. У ресторана Эль Фуэлле, того самого, с манекеном в виде толстого повара в дверях, Пантелеймон задержался на минутку, заранее зная, что доносящиеся из заведения запахи не одарят его ничем, кроме утопающего в слюне языка. Затем был парк Мирофлорес, по аллее которого Берку уже откровенно плелся, обещая себе во что бы то ни стало добраться к ресторану Пастелерия Толосана, где надеялся встретить прекрасную незнакомку по имени Второе Дыхание. Незнакомку, каждый раз обводившую его вокруг пальца.

До Толосаны он так и не добрался. Ударившись коленом о гидрант и громко обругав его, Пантелеймон повернул обратно, в сторону набережной: продолжать издевательство над собой не было никаких сил. Уже почти два часа как он был на ногах, а с учетом обратной дороги будет больше трех. Обычно он отсутствовал около шести часов, но сегодня пусть домашние думают что хотят. И зачем только он приперся в Испанию? Чтобы по вечерам выслушивать жену и дочь с их дурацкими советами по поиску работы? Чтобы с утра, подняв плечи к заспанной голове, топтаться на остановке в ожидания автобуса? Часами бродить по улицам города, чтобы вечером разыгрывать перед домашними усталое отчаяние: и сегодня, мол, вернулся с пустыми руками.

Он ловил себя на том, что почти не смотрит в глаза близким, и без того зная, что в них прочтет. «Вранье», слышалось ему в уставших вздохах жены, и в эти мгновения Пантелеймон с трудом сдерживался, чтобы не уснуть. Провалиться в забытье, из которого не нужно просыпаться. Ему уже никто не верил.

Как никто не верил в рассказ с деньгами, которые он спрятал в фотоальбом.

***

Никогда прежде Пантелеймон не видел Энвера смеющимся. Кажется, даже улыбки, озаряющей это смуглое лицо, ему не приходилось замечать. Три месяца – не срок для того, чтобы хорошо расположить к себе малознакомого человека. Тем более если этот человек – выходец из Албании, ездит в черном Ленд Крузере, по улице передвигается в окружении четырех охранников и зарабатывает на торговле афганскими наркотиками и молдавскими проститутками. На почве последнего он и познакомился с дочерью Пантелеймона Виорикой.

– Энвер, мой жених, – сказала Виорика, представ перед отцом через пару дней после его прилета в Барселону.

Виорика жила в Сарагосе и приехала специально для встречи с отцом. Под ручку она держала похожего на цыгана молодого человека с аккуратными усиками и неподвижным взглядом.

– Энвер? – переспросил Пантелеймон. – А как же Антонио?

Жена Пантелеймона Серафима, успевшая засветиться счастьем от сцены посвящения супруга в семейную тайну, стала напоминать себя прежнюю, не по годам постаревшую испуганную женщину, бледневшую от одного появления мужа на пороге дома.

– Антонио? – нахмурился Энвер.

Виорика с укором уставилась на мать. Ведь это Серафима уговорила ее отправить отцу фотографию в обнимку с двумя испанцами и, более того, подписать ее. «Антонио, мой жених», написала Виорика и потом неоднократно жалела об этом, не решаясь, правда, бросать укоры матери. Что ж, момент истины настал: придурочный папочка сболтнул о фотографии в самый подходящий момент.

Виорика, однако, не растерялась.

– Господи, да клиент, кто же еще! – воскликнула она и потянула албанца в соседнюю комнату.

– Так и помрешь дураком, – сказала Серафима, оставшись с мужем наедине. – Хоть бы работу, что ли, начал искать.

Пантелеймон не выдержал, присел на подвернувшийся стул. Он чувствовал себя уставшим из—за обилия малоприятных сюрпризов.

Неприятности начались в кишиневском аэропорту, где его завернули сразу после прохождения паспортного контроля, попросив зайти в отдельную комнату для таможенного досмотра. Таможенник не стал тянуть, сразу бросил извлеченный из багажа семейный альбом Пантелеймона, к чему, однако, Берку оказался готов.

– Пять тысяч, – выпалил он таможеннику.

– Что?

– Пять тысяч евро, – уточнил Пантелеймон, первоначально думавший предложить взятку в этой же сумме, но в леях.

Таможенник оглянулся по сторонам и ткнул себя указательным пальцем в грудь.

– Вы мне? – спросил он и поднес к лицу рацию.

– Нет! – воскликнул Пантелеймон и понял, что позволил себе лишнее. Протянул к рации руку, чем таможенник не замедлил воспользоваться.

– Дежурный, наряд в комнату досмотра! – буркнул он в трубку и отключив аппарат, застыл перед Пантелеймоном с невозмутимым лицом, с руками, сложенными за спиной.

– Господин начальник, – заныл Пантелеймон, но дверь за спиной уже раскрылась, и перед Берку неумолимо росло число людей в одинаковых темно—синих таможенных кителях. Всего в тесноватую комнату их набилось аж девять человек.

– Фотография родственника? – спросил Пантелеймона таможенник, ткнув пальцем в портрет Франклина на извлеченной из альбома стодолларовой купюре.

Дальнейшее Берку припоминал с трудом. Помнил, как посыпались из альбома евро и он чуть не бросился их подбирать. Помнил, как спросили, сдавал ли он когда—нибудь ежегодную декларацию о доходах, а если сдавал, указывал ли суммы, которые намеревался вывести из страны. Помнил еще, как поинтересовались, знает ли он, какую сумму наличных денег разрешено вывозить без декларирования и в курсе ли Пантелеймон, какая ответственность предполагается за соответствующее нарушение?

На все вопросы Берку отвечал одинаково, молчал и отрицательно качал головой. В голове у него господствовал хаос, усугубившийся после того, как выпотрошив все деньги, таможенники внезапно всучили ему альбом.

– Что это? – поднял он потяжелевший взгляд на служителей закона.

– Вам лучше знать, – пожал плечами таможенник, поднявший бучу. – По мне, так это семейный фотоальбом.

– Ааа? – открыл рот Пантелеймон.

– Что? – удивился таможенник.

– Ааа… а деньги? – не выдержал Берку.

Люди в синих кителях переглянулись.

– Какие деньги?

– Ну как же, – пробормотал Пантелеймон и осекся. – Разве же…

Восемнадцать глаз выжидающе смотрели на него, а Пантелеймон не верил своим глазам: денег нигде не было. Зато были девять таможенников, некоторые из которых поспешно поправляли свои кители, другие копались в карманах брюк.

– Стоп! – вскочил со стула Пантелеймон. – Я видел! Там у вас мои деньги!

Задержавший Пантелеймона таможенник сделал шаг вперед.

– Господин Берку, – решительно сказал он. – Вы что—то путаете.

– Деньги! Деньги из фотоальбома!

– Из этого, что ли?

– Да вы что? – задыхался Берку. – Деньги! Мои деньги!

– Вы хоть понимаете, что говорите? Вы нас что, обвиняете? Или себя обвиняете?

– Вы издеваетесь! – взвизгнул Пантелеймон

– За недекларированный провоз суммы, превышающей…

– Жулье! – крикнул Берку.

– Предусмотрено наказание…

– Сволочи!

– А вот за оскорбление при исполнении…

– Верните бабки, суки!

Но Пантелеймона уже выталкивали из тесной комнаты.

– Куда вы меня? – вырывался он.

– Давай, давай, – раздавалось у него в ушах. – С родиной в расчете! Приятного полета!

– Я никуда не полечу! – истерил Пантелеймон.

Синие костюмы исчезли в одно мгновение, разлетелись, как деньги из фотоальбома. От остывающего от собственного крика человека посреди зала вылета вжимались в кресла люди, такие же как он пассажиры, ожидающие начала посадки.

Над рассказом Пантелеймона Энвер смеялся от всей души. Виорика и Серафима, для которых веселье албанца стало еще большей неожиданностью, чем для Пантелеймона, с трудом натягивали на лица осторожные улыбки. Не улыбался лишь Пантелеймон, который, закончив рассказ о злоключениях в кишиневском аэропорту, будто заново пережил один из самых нелепых и унизительных дней в своей жизни.

– Ну а что мне оставалось? —пробурчал он под общий смех, совершенно красный. – Уже ведь объявили посадку.

– Мне нравится твой папаша! – прокричал Энвер Виорике, кулаками вытирая проступившие слезы. – Оказывается, молдаване те еще лгуны. Совсем как албанцы!

Дождавшись, пока дочь переведет албанца с испанского, Пантелеймон хотел было запротестовать, но мысленно махнул рукой.

– Посмотрел бы я на тебя, попадись ты к нашим таможенникам, – проворчал он и с ужасом увидел, как Виорика наклоняется к уху Энвера.

– Нет! – крикнул полушепотом Пантелеймон. – Это не переводи!

Но было поздно: выслушав Виорику, Энвер перестал смеяться, а вместо улыбки на его лице обозначилось мечтательное выражение.

– Было бы неплохо, – сказал он, глядя в потолок. – мы бы с ними такие дела провернули. Жаль только, – хлопнул он себя по коленям, – что все это только фантазии вашего папаши.

Пару раз в жизни Пантелеймон слышал фразу «трудности перевода». Кажется, даже был такой фильм. Но то, что у этих слов есть смысл, он понял лишь теперь. Албанец уже вышел из комнаты, а дочь еще переводила его ответ. Пантелеймон едва не заплакал от обиды. Как же так? Мало того, что на родине до нитки обобрали, да еще и здесь, в Испании, куда он только что прибыл, от родных не то что утешения, понимания не дождаться.

Да—да, и от родных тоже. Тем более от родных: дочь и супруга смотрели на Пантелеймона так, что ему хотелось провалиться в барселонскую землю. Впрочем, до громогласных истерик и разъедающих мозг укоров дела так и не дошло. Не до укоров было Серафиме и Виорике. Да и Пантелеймон приехал как никогда кстати, даже несмотря на мутную историю с потерянными деньгами. Уже через неделю после прибытия к супруге в Барселону, Пантелеймону пришлось переезжать.

В Сарагосу – из—за пугающего его албанца.

***

Улетая в Барселону, Пантелеймон лишился всех денег и половины нервных клеток. Переезд в Сарагосу едва не стоил ему спины и колен. За историю о набитом деньгами фотоальбоме ему пришлось ответить по полной. Серафима и не думала нанимать грузчиков – к чему такие растраты? Не было у Пантелеймона и добровольных помощников, и все пожитки, включая двухметровый сервант и, хвала Господу, разборный шкаф, из съемной квартиры он выносил в одиночку. Так же, как собственными руками погружал вещи в присланный Энвером пикап, а затем, уже в Сарагосе, мысленно благодарил албанца за то, что тот додумался купить дом на земле, а не квартиру на пятнадцатом этаже. В этом—то доме, двухэтажном, просторном, со множеством комнат и дубовой лестницей на второй этаж, и поселили Серафиму с Пантелеймоном. В самой маленькой из всех комнат, да на какие жертвы не пойдешь, лишь бы жить под одной крышей с детьми, как умильно воскликнула Серафима, гляда Энверу в его пронзающие до пят смолистые глаза.

Она и впрямь уже считала албанца зятем, к чему Пантелеймон никак не мог привыкнуть. Смущало его не столько, судя по всему, криминальное прошлое Энвера и, что уж не подвергалось сомнениям, его криминальное настоящее. В конце концов, в Молдавии бандитов не меньше, да и кто станет спорить с тем, что лучше обзавестись криминальным зятем в Испании, чем погибнуть от рук заблудших гопников в собственном доме в Молдавии. В селе, где из местных жителей оставались сплошь алкаши да старичье, которых легче перебить, чем дождаться от них помощи. Тревожило Пантелеймона другое – предположение о том, что занятие проституцией после переезда к Энверу Виорика и не думала бросать. Совсем наоборот, теперь дочь меняет клиентов гораздо чаще, чем до того как из обычного сутенера албанец превратился в ее жениха.

– И что тут такого? – набросилась на Пантелеймона Серафима, когда он решил поделиться с женой своими подозрениями. – Девочка вкалывает как проклятая, а она, если ты забыл, совсем еще ребенок.

Она слезливо скривила губы и потерла совершенно сухие глаза.

– Между прочим, – напомнила Серафима, – в этом доме мы лишь благодаря ей и ее жениху. Благородному, кстати сказать, человеку. Или ты забыл, как не пускал на порог нашего дома мою родную мать? Да и в конце—то концов, – Серафима окончательно сменила притворную плаксивость на гнев, – сам—то ты хоть палец о палец ударил? Скоро уж месяц, как в Испании живешь, пора бы и рукава засучить!

Сама Серафима после переезда в Сарагосу и не думала искать новую работу. Ее можно было понять – чего только бедняжка не натерпелась в Барселоне!

– Убирала за стариком, который срал под себя трижды в день, – напомнила Пантелеймону Серафима, словно намекая на то, что для начала мужу неплохо хотя бы оторвать задницу от дивана. Чего, как понял, Берку, не избежать, иначе от него не отстанут.

Он стал бродить по городу. Каждое утро выходил на остановку, дожидался автобуса и ехал куда глаза глядят, а глаза неизменно приводили его к Каменному мосту в центре города. За пару месяцев он досконально изучил исторический центр Сарагосы и теперь мог работать гидом, без запинки отвечая на заковыристые вопросы о количестве зрительных рядов в руинах римского театра или числе парковочных мест между крепостью Альфахерия и рвом, окружающей ее стены. Он не пытался найти работу, да и можно ли куда—то устроиться, не зная языка и даже не пытаясь хотя бы с кем—то заговорить. Берку просто шатался по городу, рассчитывая, что все постепенно рассосется, что неделя—другая, и родственники от него отстанут, сочтя его стариком, совершенно неприспособленным к зарабатыванию денег в Евросоюзе.

– Ты бы в интернете порылся, – предложила Виорика, когда Пантелеймон в очередной раз вернулся домой шаркающей походкой, в ботинках, покрытых заметным слоем городской пыли. – Есть куча сайтов с объявлениями о работе.

– Господи, дочка, ну какой еще интернет? – внезапно вступилась за Пантелеймона супруга. – Мы с папой – отставшие от жизни люди. И потом, все эти компьютеры—шмомпьютеры…. Вон, по телевизору показали женщину, у которой в руке загорелся мобильный телефон.

– Мааам! – укоризненно протянула Виорика.

Взмахнув волосами, Серафима горделиво взглянула на мужа. С переездом в Сарагосу она заметно ожила и даже похорошела, и иногда, возвращаясь домой после дня изнурительных прогулок, Пантелеймон с удивлениям отмечал, что Серафима поет себе под нос. Раньше такой привычки он за ней никогда не замечал. Она даже перестала подгонять супруга, ей, похоже, хватало того, что он исчезал на целый день, оставляя ее дома в одиночестве.

Впрочем, в одиночестве ли, засомневался Пантелеймон, вернувшись домой раньше обычного. У входной двери курили четверо подозрительных мужчин в черных, несмотря на обычную испанскую жару, куртках. Заметив Пантелеймона, охранники Энвера переглянулись, а один из них подошвой растер о тротуар сигарету.

– Hola amigos![4]

Приветственно подняв руку, Берку остановился в двух шагах от дома. Путь ему преграждали четверо крепких смуглых парней, лица которых выражали вполне определенную истину: войти в дом Пантелеймон сможет лишь после того, как они этого захотят.

– А что, собственно… – спросил он и осекся: вряд ли албанцы могли понять перешедшего на русский язык молдаванина. Но он ошибся.

[4] Здравствуйте, друзья! (исп.)

– А собственно ничего, – услышал Пантелеймон русскую речь и не сразу понял, что она льется изо рта одного из охранников. – Придется подождать.

– Эээ… разве… – опешил Берку. – Вы что, говорите по-русски?

– По—русски, по—русски, – кивнул албанец. – Половина клиентов шефа – молдавские и украинские проститутки, так что без русского никуда. Шеф, кстати, тоже говорит.

– По—русски? – воскликнул Пантелеймон.

Албанец устало вздохнул.

– Ты погуляй немного, – посоветовал он. – Как брата, по—русски тебя прошу.

– Но там моя жена, – кивнул на дом Берку.

– И она тоже, – подтвердил охранник. – Иди, иди, говорю.

Полчаса ничего не решает, особенно если домой вернулся раньше обычного. И все же Пантелеймон, слоняясь по соседним переулкам, мучился сомнениями, понимая, что охране Энвера нечего делать у дома без присутствия хозяина. Энвер и вышел ему навстречу, когда Берку, не выдержав, вернулся к дому спустя всего четверть часа.

– А, это вы, – бросил Энвер, и Пантелеймон, кивнув в ответ, решил, что поздно изображать удивление от того, что албанец впервые заговорил с ним на знакомом им обоим языке.

– Нашли работу? – внезапно добавил Энвер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.